

Исторический
роман-бестселлер

ANNE GIRARD
Madame Picasso

ЭНН ЖИРАР

Мадам Тикассо

Печальная муза гения

Москва 2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж73

Anne Girard
MADAME PICASSO

Copyright © 2014 by Diane Haeger

Перевод с английского *К. Савельева*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Жирар, Энн.
Ж73 Мадам Пикассо / Энн Жирар ; [пер. с англ. К. Савельева]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 480 с. — (Исторический роман-бестселлер).

ISBN 978-5-699-84600-9

Юная Ева Гуэль устраивается швеей в «Мулен Руж», чтобы вырваться из бедности и начать новую жизнь. Втайне она мечтает выступать на сцене и даже берет для этого яркий псевдоним — Марсель Умбер. Но судьба готовит ей сюрприз. Ева знакомится с Пабло Пикассо, который завоевывает ее в первый же вечер. Девушка надеется стать постоянной спутницей Пикассо, но, говорят, у него уже есть любовница и на ее пути лучше не стоять.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-84600-9

© Кирилл Савельев,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Э», 2015

Стивену Роберту

ЧАСТЬ I

СТРАСТЬ, ЧЕСТОЛЮБИЕ, ИСКУССТВО

ГЛАВА I

Париж, Франция, май 1911 года

Ева миновала фонтан на площади Пигаль и свернула за угол ровно в половине третьего. Безднежно опаздывая, она приподняла подол синего клетчатого платья и пробежала оставшуюся часть пути по оживленному бульвару Клиши, заслоненному сумрачной тенью красной ветряной мельницы «Мулен Руж». Прохожие оборачивались на стройную девушку с раскрасневшимися щеками, широко распахнутыми тревожными голубыми глазами и темно-каштановыми волосами, развевающимися на бегу и цеплявшимися за вишневую ленту на соломенной шляпке, которую она придерживала на голове рукой. Она так торопилась, что под подолом платья были заметны ее длинные, почти до колен, панталоны, но она не обращала на это внимания. Другого такого шанса могло уже не выпасть.

Она проскользнула мимо двух безукоризненных экипажей, соперничавших за пассажиров с автомобилями, и свернула в узкую аллею между галантерейной лавкой и кондитерской, украшенной опрятным навесом в белую и розовую полосы. Да, это был тот самый короткий путь, о котором рассказывала Сильветта, но по булыжной мостовой трудно было бежать быстро. Се-

рые камни, еще не просохшие от утреннего солнца, были скользкими и замшелыми, и дважды девушка едва не упала. Потом она миновала черную маслянистую лужу, забрызгав чулки и черные сапожки на пуговицах, но вот, наконец, она на месте.

— Ты опоздала! — гроыхнул голос, как только она остановилась, тяжело дыша и пытаясь собраться с мыслями.

Пожилая костюмерша, выросшая перед ней, казалась угрожающе огромной в арочном проеме задней двери. Костлявые руки мадам Люто со старческими пятнами на кистях упирались в широкие бедра, обтянутые платьем из черного вельвета. Высокий кружевной воротник полностью скрывал ее горло, а кружевные манжеты закрывали запястья. Черты ее широкого лица под грифельно-серым шиньоном искажались от нескрываемого презрения.

Грудь Евы тяжело вздымалась от бега, и она чувствовала, как пылают ее щеки. Всю дорогу она проделала пешком.

— Прошу прощения, мадам! Действительно, я обещала вам быть вовремя, но я очень торопилась! — выпалила она, стараясь перевести дыхание и понимая, что выгладит испуганной.

— Здесь не может быть никаких оправданий, понимаете? Люди платят за представление, и они хотят его увидеть, мадемуазель Умбер. Вы не должны позволять себе задерживаться. А для первого раза это и вовсе не годится, особенно теперь, когда у меня полно дел перед премьерой.

Именно в этот момент Сильветта, делившая комнату с Евой, появилась рядом с ней, она была одета

в зеленый костюм с оборками и толстые черные чулки. Ее лицо напоминало кукольное, с большими черными ресницами и вишневыми губами, а волосы цвета древесной коры были сложены в аккуратный узел на затылке.

Должно быть, одна из других девушек рассказала ей о случившемся, поскольку Сильветта даже не успела оставить дома открытую баночку с белой пудрой для лица — так она торопилась выручать Еву.

— Этого больше не случится, мадам! — горячо заверила она и дружески положила руку на узкие плечи Евы.

— К счастью для вас, одна из танцовщиц порвала на репетиции чулки и панталоны, а наша швея как раз куда-то исчезла, иначе я вообще не стала бы тратить на вас время. Все вы, юные девицы с большими глазами, приходите сюда и думаете, что ваши хорошенькие мордашки будут открывать вам двери, пока вы не найдете что-нибудь получше или не подцепите состоятельного господина из публики, чтобы поскорее уйти отсюда.

— Я хорошо работаю. Правда, мадам. И со мной такого больше не случится, — с горячностью ответила Ева, глядя на мадам Люто огромными голубыми глазами. — Мне не нужен мужчина, который станет для меня благодетелем.

Однако мадам Люто не приветствовала наивность, честолюбие или красоту, и отчасти искренний протест Евы остался без внимания. Сегодня утром Сильветта предупредила Еву, что она может потерпеть фиаско и вернуться в их маленькую комнату в Ларуш (получивший свое название из-за того, что дом имел форму улья), если не сможет убедить пожилую женщину

в своей искренности. Сильветта проработала здесь уже больше года и до сих пор выступала лишь в двух номерах в кордебалете — иными словами, оставалась лишь безликой фигурой на заднем плане, не имевшей возможности приблизиться к ярким огням рампы.

Между тем три танцовщицы в более пышных костюмах, чем у Сильветты, вошли в дверь, привлеченные громким голосом костюмерши; им явно не терпелось полюбоваться на очередной разнос. Неожиданно воцарилась напряженная тишина, и Ева заметила, что каждая из них оценивающе смотрит на нее, а их хорошенькие накрашенные лица исполнены снисходительности. Одна девушка уперлась руками в бедра и насмешливо приподняла брови; две другие шептались друг с другом. Это сразу же напомнило Еве о жестоких соперницах из Венсенна во времена ее ранней юности — девушках, для которых она тоже была недостаточно хороша. Это стало одной из причин, заставивших ее переехать в большой город.

На мгновение все мысли покинули ее хорошенькую головку, а сердце ухнуло вниз. Если она упустит эту возможность...

Покинув пригород, она рискнула многим, в том числе и неодобрением со стороны своей семьи. Теперь ей хотелось лишь как-то устроить свою жизнь здесь, в Париже, но до сих пор ее устремления ограничивались малым. Ева отвернулась от танцовщиц, когда почувствовала, как к ее глазам подступают слезы. Она не хотела, чтобы девушки заметили ее слабость. Ей было двадцать четыре года, и она не могла позволить себе выплеснуть свои девические чувства на всеобщее обозрение. Продемонстрировать свою уязвимость после

неудачного года, прожитого в Париже, было слишком большой оплошностью даже для нее.

— Наверное, не терпится стать танцовщицей, как вот эти? — язвительно поинтересовалась мадам Люто, резким кивком указав на других девушек. — Но они годами работали и тренировались, чтобы попасть сюда, а ты, если и собираешься стать танцовщицей, только впустую тратишь и мое, и свое время.

— Я хорошо умею чинить кружева, — Ева постаралась ответить без запинки.

Это была правда. С самого детства она видела, как ее мать создает замечательные вещи. Некоторые из них она привезла с собой во Францию в качестве фамильного наследства. Мадам Гуэль научила свою дочь шить маленькими, аккуратными стежками, чтобы та всегда могла найти работу и помогать с оплатой счетов после того, как выйдет замуж за добропорядочного местного уроженца и станет вести вполне предсказуемый образ жизни. Во всяком случае, ее родители надеялись на это до тех пор, как их дочь уехала в Париж сразу же после своего двадцать третьего дня рождения. Это была первая возможность получить настоящую работу, ведь деньги у нее уже почти закончились.

Сильветта предпочитала молчать, опасаясь поставить под угрозу собственное непрочное положение, если выступит в поддержку подруги. Она и так помогла Еве — сообщила, что в «Мулен Руж» не хватает швей, потому что из-за частых прыжков и падений танцовщицы то и дело рвали или распарывали те или иные детали своего туалета. Насколько Ева могла понять, как раз сейчас появилась такая потребность.

— Хорошо, я проверю, на что ты способна, — снизошла до ответа мадам Люто. — Но лишь потому, что нахожусь в сложном положении. Пойдем со мной. Посмотрим, как ты починишь нижнюю юбку Аурелии. Постарайся сделать это побыстрее. А потом покажешь мне свою работу, пока остальные будут репетировать.

— Да, мадам, — кивнула Ева. От благодарности у нее закружилась голова, но она совладала с собой и натянуто улыбнулась.

— Ты и правда такая миниатюрная, просто как маленькая нимфа. И, должна признать, не совсем уродина. Еще раз, как тебя зовут? — спросила мадам Люто, словно припоминив реплику Сильветты.

— Марсель. Марсель Умбер, — ответила Ева, призвав на помощь все свое мужество, чтобы произнести новое, парижское имя, которое, как она надеялась, принесет ей удачу.

Сразу же после прибытия в город со всеми пожитками, умещавшимися в старой ковровой сумке, в большом, не по размеру, холщовом плаще и черной фетровой шляпе, Ева Гуэль была настроена весьма решительно. Она твердо намеревалась каким-то образом покорить Париж, несмотря на иллюзорность столь высоких упований. Возможно, эта первая работа будет началом чего-то удивительного. В конце концов, думала Ева, в мире случались и более странные вещи.

Мадам Люто вздернула подбородок, упиравшийся в черный кружевной воротник, повернулась и сделала несколько шагов к открытой двери сцены, жестом пригласив Еву следовать за ней. Именно тогда девушка увидела первый проблеск тайной мечты — интерьер знаменитого кабаре «Мулен Руж».

Стены за дверью были выкрашены в черный цвет, с золотыми цветочными узорами и завитушками. Тяжелые красные бархатные портьеры свисали вдоль стен, так что помещение напоминало чудесную экзотическую пещеру. Ева вступила в неведомый и соблазнительный мир, и в тот момент ее сердце гулко стучало в груди не только от восторга, но и от страха.

Она старалась не слишком отвлекаться на происходящее вокруг, пока следовала за мадам Люто, и держала руки за спиной. Ева была слишком взволнована и боялась, что в таком состоянии не сможет продеть нитку в иголку.

Помещение за сценой было сумрачным, хотя в него и проникал дневной свет. Ева различала запахи пролитого алкоголя и старых духов. Ей показалось, что обстановка выглядит немного угрожающе, но от этого становилось еще интереснее. По мере того как танцовщицы в костюмах проходили мимо, устремляясь на сцену и возвращаясь обратно, она начала узнавать их лица благодаря афишам, расклеенным по всему городу. Вот Маришка, мастерица балетной пантомимы, главная танцовщица Мадо Минти и очаровательная комедиантка Луиза Балти, исполнявшая роли Негритянки и Тирольской куколки Каролины. А вот и дрессировщик Романус, мсье Тул со своими комическими куплетами и труппа испанских танцоров в коротких красных жакетах-болеро и черных шляпах с бахромой.

Ева не представляла, что она будет делать, если окажется рядом с одним из этих прославленных исполнителей, а тем более познакомится с ними. Эта перспектива была пугающей и одновременно восхитительной.

Что, если мадам Люто откажет ей сейчас, когда она уже на пороге успеха? Что, если она будет вынуждена вернуться в пригород? Нет, она этого не допустит. Она не вернется в Венсенн. Но если Ева останется без работы в Париже, то надеяться будет уже не на что. В таком случае предложение Луи стать ее любовником и позаботиться о ней может остаться единственным выходом из положения.

Бедный Луи. Он был ее вторым другом в Париже. Их познакомила Сильветта. Поскольку он был поляком, как и мать Евы, и все они жили в Ларуш, их дружба быстро окрепла, и они стали неразлучны.

Ева виделась сегодня с Луи, а потом ей пришлось отлучиться на собеседование в «Мулен Руж». Перед уходом она придумала слабое оправдание, и вернулась, якобы забыв взять с собой что-то важное. Он стоял с папкой акварелей перед дверью магазина Воллара и едва заметил ее из-за беспокойства о собственной судьбоносной встрече. Амбруаз Воллар был знаменитым галеристом, чья резиденция находилась на крутом подъеме булыжной мостовой улицы Лаффит. После нескольких обращений он наконец согласился посмотреть на работы Луи.

Луи, которого на самом деле звали Лодвицем, учился в Юлианской академии, рисуя по вечерам и продавая шаржи для публикации в журнале «Парижская жизнь»¹, чтобы иметь возможность платить за аренду-

¹ «La vie parisienne» — еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Париже с 1863 до 1970 года. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

ванное жилье. К сожалению, его замечательные акварели в импрессионистском стиле совсем не продавались, в отличие от шаржей и карикатур, и Луи сильно переживал из-за этого.

В прошлом году Луи ссужал Еву деньгами и регулярно оплачивал ее обеды. Она не желала видеть его своим любовником, но ей не хотелось и отказываться от него. Преданность значила для нее очень многое, если не все.

Теперь же Ева стояла перед мадам Люто в костюмерном помещении за сценой, пока та изучала заштопанный ею подол.

— Такая тонкая работа, что я даже не могу различить стежки! — воскликнула она со смесью восхищения и раздраженного удивления. — Можешь приступать к своим обязанностям с этого вечера. Приходи в шесть часов, и ни секундой позже. На этот раз не опаздывай.

— Спасибо, мадам. — Ева позволила себе лишь скромный намек на уверенность в голосе. Несколько театральных техников и рабочих сцены прошли мимо, беседуя друг с другом.

— Во время представления ты будешь оставаться за кулисами. Сильветта покажет место, где ты не будешь никому мешать. Если одной из танцовщиц понадобится починить костюм, у тебя будут считанные секунды, чтобы сделать свою работу: заштопать подол, пришить пуговицу, манжету или воротничок. Никаких задержек, понятно? Зрители щедро платят не для того, чтобы видеть рваные костюмы танцовщиц, но им совсем не нравятся паузы между актами.